

Александр РАДАШКЕВИЧ

СРЕДИЗЕМНОЕ

Так

Так тают острова воспоминаний, и стылая вода стирает рифы мшистые надежд, так верим куцым снам, струимым мнимой явью, за диво пречистое мира и скотство слепое его, творя создавших нас богов и воплощая то, что нас развоплощает, так молкнет музыка забвенных ожиданий за стайкой кремоватых облачков, несомых безоглядно в невозвратность, и пух каникулярных тополей так стелет ветреные тропы необратимых берегов, так рассудок заблудший точит исподволь дýши по немым закуткам мироздания, так вспоминают изредка себя, как съехавших давным-давно соседей, чьи позабылись напрочь имена и стерлись подъездные лица, так убивают беспутное время и потому, что его не осталось, и оттого, что весь век впереди, так заплывают в нагие сны рассвета все те, кто нежно населял отснившиеся жизни и кто за воздухом свинцовым вздыхает пряно про себя, и то, что складывало мир по кубикам любовного познания, его так предает небрежно и отрекается покорно от себя, так разползается по белым швам и этот стих, который ты примеришь на себя, гарцуя в сизом зеркале неверья, так тает все в незрячем взгляде, творившем рваный свет, и ты, обняв обратные ветра и пригубив вина заоблачного цвета, сольешься так оплавленным лучом с заплаканной апрельскою капелью.

Mais voir un ami pleurer...

Jacques Brel¹

И если вдруг в дверях предутренней разлуки друг редких встреч заплачет на плече, она не зря ревнительно отжита, такая пустая и глупая шутка. Лики киевского детства, португальская юность, даже лондонские скобки и валлонский уютный тупик, весь мир сиротский и в прах продутый, который ты, упрямый, как все свои смертельные влюбленности, еще стараешься назло зарифмовать. Ну а я, что я знаю об этом, как, впрочем, и о том? Мы лишь в стихах порой встречаемся напрасно, но, видит бог, не зря среди отключенно-подключенных, прикованных к липучей пустоте, мы опоздали на поезд последний, который отбывает послезавтра, и он перед носом смыкает гремучие двери. По улице Аве Мария в надежде святой ни на что, читая клинописи стертых лиц, бреду я вне себя, и памяти пьяные птицы ныряют в рваных облаках, а на плече предутренних прощаний беззвучно плачет дальний друг.

Льву Карнаухову — позднее прощание

Кому земля —

священный край изгнания...

Максимилиан Волошин

В день твоего рождения открылось, что ты умер, уж полгода тому назад ты родился туда, где ни-ни — ни болезни тебе, ни грешной печали, ни зряшных вздыханий, где встретили тебя уфимские великие бураны, отвесившие белый свет, наш вихрастый Сережа и игрово-надмирная Надя в ее зазвездной пятиэтажке с этюдами по всем углам, где мы хором намечтали себя, сказав бездумные слова, по которым потом и отжили все наши призрачные сказки и все крошечные кошмары, которые нас разом разнесли по сиротским краям узнаваний, и вот уж я, как перст, последний, качаюсь полым истуканом на всех руинах вешних предвкушений, как на мерцающих сугробах детства, разгребая осколки небес, вздымая липкий

¹ «Но видеть плачущего друга...» (Жак Брель)

прах поминовений над пустыней постылых времен,
потерянно плетя кому-то никому мираы тому назад
забытые стихи. «И я вдруг понял, как там пусто», —
успел ты уронить, когда за небо ушел Сережа вслед
за отчалившей в сигаретной нирване Надей. И кто-то
из безлико закликанной братии тебя сегодня рьяно
поздравляет, желая всякого здоровья и ждя ответных
лайков от уральского мэтра межвселенского реализма,
а ты давно собрал мольберт и обронил муштабель,
отплыв за дочерью, за сыном в свое неверное ни-ни,
оставив за собой распахнутые настезь
кристальные врата.

Вальс минований

Ну а в дольней доле мимовейной все привольно
до боли потому, что проходит, все предвечно
на поднебесной пыльной ладони, оттого что
обречено, и любимо беззаветно так иль безответно,
потому что неизменно нам изменит оно, всё, как
тьень, неотторжимо, потому что навеки сошло, и
на наши крапленые судьбы, как в финале забытого
фильма, под томный хор заштатных скрипок, валит
оперный ватный снег, который и не стает никогда.
Осмелился ли ты однажды на себя иль оттрубил
по чужому уставу, сорвался ль с засиженной ветки
или слепил наскальное гнездо, минует глухо даже
миновавшее, как ветер форточки забитой и нежность
бабушкиной каши. Мир с изгаженной изнанки, лица,
что дороже света, за слепую пеленой, даже оный
день порожний — всё навеки в заветной юдоли лишь
потому, что ушло непреложно за былью сущих снов
и вкусом пернатой юности на глянцевах губах.
Ну а дальше растянулось, как забытые долги, или,
может, причиталось, да не вспомнить уж за что
в валком вальсе минований и в рассветном
перезвоне стертых солнцем звезд.

Средиземное

Пролетая Монблан и Леман с тягучим сандвичем в зубах, над Венецией кисло скользя в необратимых облачках, неведомо зачем и от чего несусь я снова на Корфу, и почему, когда так рано, под нами некая Тирана. Минует то, чего не жаль, вослед всему, чему нет срока, а жизнь невнятно так сошла за небом сплюсненные горы, за надувные облака, в которые вонзаемся с тобой самозабвенно, забыв стократ, на что осмелилась, пожалуй, что напрасно, что не посмела, может, и не зря. Слиняв по левому борту, ты лихом нас не поминай, Дубровник голопузых орд, и вот уж, господи, так скоро и опять облобызает облое чело любезная неведомым богам, лазурноокая, показанная старцам и юнцам, тем томным снам подвластная Керкира, где всё навеки с элладскими ветрами заодно, где даже задаваться вопросами немymi нам и срамно и, право, неуместно; бежит недвижимая волна, сама в себе муарно отражаясь, и все стирает раз и навсегда тебе, как сон, доверенное море.

